

гим подсобным занятиям, отхожим промыслам и мелкой торговле. Эти главы представляют большую ценность и интерес, поскольку в них описаны такие отрасли крестьянского хозяйства, которые до сих пор (если исключить обработку дерева) мало затрагивались в специальной литературе. Если в экономике Причудья эти отрасли в целом были второстепенными, то в некоторых местах они имели определяющее значение. Поэтому то, что автор работы уделил им должное внимание, позволило ему воссоздать картину специфического для Причудья комплексного хозяйства во всей ее сложности.

В заключении автор подводит итоги тем процессам формирования населения Причудья, которым посвящена книга. При этом А. Моора приходит к выводу, что «очень важным, а может быть и решающим фактором, определившим проникновение в разные части этой зоны различных этнических групп и формирование отношений между ними, были приобретенные ими ранее производственные навыки» (стр. 302).

Именно то обстоятельство, что автор стал искать причины происходивших на этой территории этнических процессов в области производства, позволило ему блестяще справиться с поставленной перед ним задачей. Такой подход к решению вопроса не только был плодотворным для данного случая, но, несомненно, будет иметь большое значение и для дальнейшей разработки методики и методологии исследований так называемых контактных территорий.

В книге есть некоторые моменты, которые вызывают сомнения или те или иные пожелания. Так, в частности, недостаточно четко определено время, на котором автор заканчивает свои исследования. Это следовало бы сделать уже во введении. Во всяком случае, материалы, касающиеся периода буржуазной республики и наших дней, имеются, но очень отрывочные. Также и вопрос о том, что с конца прошлого столетия начали действовать такие новые факторы, как национальное самосознание, практически остается только упомянутым.

Мало внимания уделено тому, как сказывались на положении крестьянства Причудья неоднократные смены государственной власти, а также формированию и развитию феодально-правовых норм, имевших огромное значение для всех сторон жизни крестьян той эпохи.

Книга в целом хорошо иллюстрирована, если исключить приведенные планы поселений, которые, для меня во всяком случае, остались непонятными.

В настоящей рецензии я вполне сознательно не касалась лингвистических материалов и их анализа, хотя они занимают очень существенное место в исследовании, но именно поэтому есть основание ожидать рецензий специалистов-языковедов.

Приходится выразить сожаление, что русский реферат очень краток. В работе содержится много топонимических и терминологических материалов русского происхождения и чисто русских, поэтому было бы важно, чтобы с ней могли ознакомиться широкие круги русских лингвистов. Конечно, наиболее целесообразно было бы издать русский перевод книги.

Н. Шлыгина

Г. А. П а н к р у ш е в. *Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла*. М.—Л., 1964, 128 стр. текста+65 стр. приложений.

Рецензируемая монография привлекает внимание новизной поставленной в ней проблемы. Однако попыткой ее решения не ограничивается содержание книги. Прежде чем приступить к выделению и характеристике племен (глава 5), автор рассмотрел целый ряд важных вопросов, составивших основу последующего изложения. В их числе — краткая физико-географическая характеристика территории Карелии (глава 1), общая характеристика археологических памятников периода неолита и раннего металла и типологический анализ их инвентаря (глава 2), датировка памятников Карелии и соседних с нею областей (глава 3) и, наконец, выделение локальных различий в материальной культуре древнего населения Карелии (глава 4).

По характеру материала книга распадается на три примерно равные части. Первая состоит из перечисленных выше четырех глав и посвящена решению археологических проблем. Последняя, 5 глава, самая большая по объему, представляет вторую, собственно историческую часть работы, в которой автор предпринимает попытку реконструкции материальной и общественной жизни карельских племен, главным образом на основании изложенных выше археологических материалов. В ней, осветив вопрос о времени и путях заселения Карелии, частично затронутый ранее, автор рассматривает возникновение племен и образование единой карельской культуры, затем уже говорит о происхождении племен. После этого следуют разделы, посвященные быту и занятиям населения, в которых характеризуются поселения и жилища, формы хозяйства, общественная организация и верования. В заключении данной главы рассматриваются внешние и внутренние связи племен, населявших древнюю Карелию.

Третью часть работы составляют приложения, в которых обобщен большой материал, служащий фактической основой исследования. Здесь и статистические таблицы,

и археологические карты-схемы, и, наконец, фотографии и рисунки инвентаря. Книга вводит в научный оборот большой новый вещественный материал, собранный за период с 1955 по 1960 год включительно. О его размерах и характере дают представление список стоянок, открытых за эти годы (стр. 149—150) и статистические данные кнители. Особо следует отметить большую группу стоянок эпохи мезолита, жилища полупещерного типа, редко встречавшиеся раньше, серию стоянок эпохи меди, бронзы и раннего железа, которых до недавнего времени в Карелии было известно очень мало.

Из отдельных памятников, упомянутых в книге, хотелось бы выделить такие, как Хашозерское захоронение неолитического времени, стоянку Пески III, обнаружившую определенную связь с Оленеостровским могильником, Оленеостровскую мастерскую, расположенную по соседству с могильником и функционировавшую, по мнению Г. А. Панкрушева, примерно в одно время с ним¹.

Монография Г. А. Панкрушева, содержащая большой новый материал, переключается с недавно опубликованным трудом Н. Н. Гуриной, в котором рассматривается по существу тот же круг вопросов².

С удовлетворением следует отметить, что с выходом двух этих работ ряд важных вопросов археологии Карелии принципиально решен. Так, можно считать доказанным правомерность выделения мезолита на территории Карелии. И теперь уже следует, на наш взгляд, не отрицать или ставить под сомнение эти памятники³, а перейти к дальнейшему, более широкому и углубленному их изучению. Как раз эту цель, по-видимому, и преследует попытка Г. А. Панкрушева выделить в мезолите две локальные провинции, соответствующие двум этническим общностям, на основании которых, по мнению автора, формировались последующие раннеолитические культуры Карелии. Но же следует сказать и относительно эпохи раннего металла. Остается только указать на некоторую неопределенность самого термина, под которым понимается и эпоха меди и бронзы, и эпоха раннего железа. Накопленный материал, как нам кажется, дает основание разделить эту эпоху на два этапа, несколько отличных по своему содержанию — этап меди и бронзы и этап раннего железа.

В своем исследовании автор не замыкается в достаточно широкие рамки территории Карелии, а выходит далеко за ее пределы. В той или иной мере в работе используются археологические материалы Финляндии, Прибалтики, Новгородской области, Верхнего Поволжья, Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей. В поисках аналогий карельскому материалу автор порой уходит еще дальше — на Урал и в Зауралье. Эти попытки синхронизации культур и отдельных культурных явлений на широких территориях Европейского Севера можно только приветствовать.

Автору вслед за Н. Н. Гуриной удалось значительно раздвинуть рамки древней истории Карелии, которая еще не так давно была известна лишь в пределах неолита и насчитывала не многим более 1500 лет. По-новому предстают теперь вопросы первоначального заселения и освоения края. Неолитическая эпоха, характеристике которой уделяется основное внимание, открывает исследователю целый ряд новых сторон, слабо освещенных ранее. Одна из них — вывод автора о большом разнообразии археологического материала в разных частях Карелии, что и послужило основой для выделения ряда локальных вариантов. Несомненная заслуга автора состоит в попытке объяснения этого многообразия материальной культуры.

При несомненных достоинствах работы, отмеченных далеко не полностью, книга Г. А. Панкрушева не лишена, на наш взгляд, и некоторых недостатков. Они вытекают прежде всего из не всегда полной и убедительной аргументации целого ряда выдвигаемых положений.

Вступая в полемику с автором исследования, хотелось бы прежде всего коснуться главной задачи его книги: «...показать процесс сложения и развития племен карельской археологической культуры в некоторых, наиболее полно изученных районах Карелии» (стр. 4). Надо отдать должное смелости автора, решившегося на постановку и решение такой проблемы. Для ряда исследователей она вообще представляется преждевременной и по крайней мере не центральной темой в изучении неолита и раннего металла. Решительно возражает против выделения «микрокультур» (под которыми исследователи и видят отдельные племена или же группы близкородственных племен) А. А. Формозов; он предлагает обратить первоочередное внимание на изучение более крупных ареалов, охватывающих ряд таких «микрокультур»⁴, полагая, что это даст

¹ Тот и другой памятник исследователь датирует четвертым тысячелетием до н. э. и относит к мезолитической эпохе.

² Н. Н. Гурина, Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 87, М.—Л., 1961.

³ См., например, А. Я. Брюсов, Рец. на указанную книгу Н. Н. Гуриной, «Сов. археология», 1963, № 1, стр. 317—320.

⁴ А. А. Формозов, Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959, стр. 3—10.

значительно больше для восстановления истории первобытного человечества, чем изучение узколокальных районов. По мнению О. Н. Бадера и В. А. Оборина, на современном этапе изучения неолитических памятников Камы еще не могут быть выделены территории отдельных племен, хотя в дальнейших работах постановка и решение этой задачи вполне реальны⁵.

В то же время никак нельзя пройти и мимо попыток восстановления древней родоплеменной структуры, предпринятых рядом исследователей. Так, много внимания выделению локальных (предположительно племенных) групп поселений эпохи бронзы в Прикамье в последние годы уделяет О. Н. Бадер⁶. О целесообразности выделения локальных вариантов в карельской археологической культуре неоднократно высказывался А. Я. Брюсов⁷. Он выделил даже некоторые из них, отметив территорию их распространения и указав на наиболее характерные отличительные особенности. Эти идеи были поддержаны и развиты Г. А. Панкрушевым первоначально в кандидатской диссертации⁸, а затем, более глубоко, в рецензируемой монографии. Заслуживает внимания попытка выделения племенных территорий в Волосовской культуре, предложенная И. К. Цветковой⁹. Таким образом, был накоплен определенный опыт аналогичных исследований, который требовал обобщения и критического анализа, а сама постановка проблемы — более глубокого обоснования.

В работе Г. А. Панкрушева нет и сколько-нибудь развернутого освещения методических приемов выделения племенных земель в составе большого территориально и хронологически ареала карельской археологической культуры. Это тем более необходимо, что взгляды автора сильно расходятся со взглядами других исследователей, в частности — Н. Н. Гуриной. Она выделяет для развитого ямочно-гребенчатого неолита Карелии всего две локальные провинции, а Г. А. Панкрушев — 15. Из них наиболее хорошо изученными он считает шесть. Анализ их и посвящается значительная часть его работы.

В отличие от Н. Н. Гуриной, у Г. А. Панкрушева эти локальные варианты (соответствующие, по его мнению, конкретным племенам) чрезвычайно устойчивы и существуют на протяжении четырех хронологических этапов, со второй половины третьего тысячелетия до н. э. по 500 г. до н. э.; он считает, что все изменения, подчас весьма существенные, происходят в рамках указанных локальных вариантов, не нарушая тех различий между ними, которые наметились еще на первом хронологическом этапе (2500—2100 г. до н. э.). Так, Г. А. Панкрушев пишет: «Несомненно, что с течением времени границы территории племен, населявших Карелию, неоднократно изменялись... Однако места обитания племен оставались неизменными на всем протяжении их развития...» (стр. 93). Причем в каждом из локальных районов с середины третьего до середины первого тысячелетия до н. э., по мнению автора, этнический состав населения не меняется. Основным аргументом в пользу этого положения является якобы преемственность, обнаруживаемая в материальной культуре поселений данных районов на протяжении указанного времени. Допуская возможность проникновения в Карелию на поздних этапах небольших групп нового населения (носителей «сетчатой» и «штрихованной» керамики), исследователь утверждает, что «...они, по-видимому, довольно быстро ассимилировались местным населением и не оказывали более или менее заметного влияния на развитие материальной культуры местных племен» (стр. 94).

Таким образом, для развитого неолита и эпохи раннего металла Карелии Г. А. Панкрушев выделяет одну этническую общность, которая сложилась, по его мнению, из протосаамского населения (носителей керамики Сперрингс), ассимилированного проникшими в Карелию волго-окскими финно-уграми (носителями ямочной керамики)¹⁰. Из возникшей таким образом на территории Карелии «новой финно-угорской общности» позднее сформировались и саамские племена» (стр. 98).

В плане общеисторической перспективы кажутся более убедительными и достоверными выводы Н. Н. Гуриной. В уточнении, быть может, нуждаются лишь границы намеченных ею ареалов на различных хронологических этапах. «На протяжении каменного века и эпохи раннего металла, — пишет она, — этнокультурные массивы меняли

⁵ О. Н. Бадер и В. А. Оборин, *На заре истории Прикамья*, Пермь, 1958, стр. 48.

⁶ О. Н. Бадер, *Поселения Турбинского типа в среднем Прикамье*, МИА, № 99, М., 1961.

⁷ А. Я. Брюсов, *История древней Карелии*, М., 1940, «Труды Гос. исторического музея» (далее «Труды ГИМ»), вып. IX, стр. 80—83; его же, *Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху*, М., 1952, стр. 57, 96, 109.

⁸ Г. А. Панкрушев, *Локальные варианты Карельской археологической культуры*, Автореферат кандидатской диссертации, М., 1955.

⁹ И. К. Цветкова, *Волосовские неолитические племена*, «Труды ГИМ», вып. XXII, 1953.

¹⁰ В последние годы ряд исследователей (П. Н. Третьяков, О. Н. Бадер, В. Н. Чернецов и др.) категорически отрицают принадлежность ямочно-гребенчатой керамики древним финно-уграм. Г. А. Панкрушев придерживается старой точки зрения.

свои очертания. Этнические пласты накладывались один на другой, не совпадая точно в своих границах... Однако единой карельской культуры, как она представлялась ранее, с момента заселения этой территории и вплоть до конца неолита, за которым следовал hiatus, не существовало. О своеобразии карельской культуры можно говорить лишь на относительно коротком этапе развития неолита и на определенном отрезке времени периода раннего металла»¹¹.

Для Г. А. Панкрушева каждый локальный вариант, соответствующий самостоятельному племени, — это своеобразный котел, в котором переваривались все пришлые родоплеменные группы, не сыгравшие якобы существенной роли и ассимилированные местным аборигенным населением, объединенным в десятки племен, чрезвычайно устойчивых и сохранявших, если не границы, то свои центры на протяжении двух тысячелетий (3500—500 гг. до н. э.). В таком подходе обнаруживается и негативная сторона работы, известное упрощение исторического процесса на протяжении древней истории, в частности, процесса этногенеза. Для него признается один путь — путь мирной ассимиляции аборигенами всех волн пришлого населения, даже тех, кто стоял выше по уровню развития. Между тем, нет сомнения, что и в указанное время этот процесс был не менее, а возможно, более сложен, чем на ранних этапах. Проникновение новых поселенцев приводило к значительным перемещениям населения, к ликвидации одних и возникновению других племен, а не просто к незначительным изменениям племенных границ. Процесс этот, быть может, проходил не всегда мирно, а сопровождался и враждебными столкновениями, доказательства чему находим и в беломорских петроглифах.

Кропотливый анализ материала стоянок (как керамики, так и орудий), с широким использованием картографирования, статистических подсчетов, процентных и числовых соотношений, проделанный Г. А. Панкрушевым, может быть принят за основу выделения локальных вариантов. Но между выделенными локальными вариантами и конкретными племенами как этнографическими единицами, на наш взгляд, никак нельзя ставить знак равенства. Многие даже из отмеченных Г. А. Панкрушевым особенностей в материальной культуре отдельных территорий возникли отнюдь не в силу этнографической специфики развития того или иного племени, а в силу внешних обстоятельств (обмен, развитый в разных районах неодинаково и отличающийся определенным своеобразием, притоки нового населения, влияние ближайших соседей, физико-географические особенности местности и т. д.). Племенные признаки должны быть выделены особо и тщательно обоснованы. Но и статистические выкладки не всегда и не для всех локальных вариантов одинаково убедительны. Это происходит в силу нескольких причин. Большинство стоянок раскопано далеко не полностью. Однако площадь раскопок автором не указывается, и поэтому полнота изученности памятников в разных вариантах и для разных хронологических групп остается неизвестной. Материал же каждого хронологического этапа рассматривается суммарно, без связи с конкретными стоянками каждого хронологического этапа (за исключением табл. I, стр. 129); ряд стоянок с явно разновременным, смешанным комплексом попал в категорию памятников с одновременным, якобы «сосуществующим» материалом. В связи с этим они получили неверную датировку (коротким промежутком времени) и внесли неточности в статистические таблицы в целом. Прежде чем использовать материал таких стоянок как исторический источник для изучения этнической истории, необходимо было расчленить его на хронологически одновременные комплексы. Особенно это относится к поселениям V и VI локальных вариантов.

Вопрос о символике орнамента в исследовании Г. А. Панкрушева нуждался в более тщательной разработке. Ссылаясь на работу М. Е. Фосс, автор в орнаментальных узорах и мотивах видит отражение родо-племенной символики; вместе с тем он указывает и на элементы заимствований, на появление новых узоров, связанных с совершенствованием керамики, и т. д. В результате явные родо-племенные признаки в орнаментации керамики по существу не выявлены.

Для решения поставленной проблемы значительный интерес представляет вопрос о возникновении и характере стоянок с разнотипной керамикой, не получивший достаточно ясного исторического объяснения. Речь идет о тех поселениях, где доказывалось сосуществование разнотипной керамики на одном поселении.

В каждом из выделенных племенных вариантов не хватает очень важного звена для реконструкции конкретной родо-племенной структуры того или иного этапа эпохи неолита и раннего металла, а именно — группы одновременных памятников. Это не значит, что таких памятников нет вовсе, но их все же досадно мало. В каждом из локальных вариантов большинство памятников хронологически разновременны и позволяют прежде всего проследить общий ход исторического развития на той или иной территории, но не дают возможности выявить сколько-нибудь устойчивую племенную границу даже для короткого исторического периода. Например, в низовье реки Выг имеется большая группа археологических памятников, расположенная на протяжении двух километров по берегам и островам реки. Синхронных памятников среди них очень

¹¹ Н. Н. Гурина, Ответ А. Я. Брюсову, «Сов. археология», 1963, № 3, стр. 314.

мало. Если эта местность и входила в состав территории племени, то лишь как очень незначительная ее часть. Между тем, в ближайшем окружении нам не известно ни одного поселения. На материальную культуру большое влияние оказали разнообразные и широкие внешние связи, обусловленные пограничным положением данного района, а также неоднократный приток сюда нового населения. Намеченная племенная территория поэтому здесь весьма условна.

Большое место в монографии Г. А. Панкрушева занял вопрос о хронологии. Заслуживает автор широкое использование метода относительной датировки по высотным отметкам, который в условиях Карелии может дать прочную основу хронологических схем. Однако отсутствие точно датированных памятников, которые бы с уверенностью можно было принять за эталоны, затрудняет использование этого метода для создания абсолютной хронологической шкалы памятников. Это приводит к тому, что исследователи, пользуясь одними и теми же методами, по существу приходят к разным датировкам.

Эти расхождения налицо и при сравнении хронологических схем Н. Н. Гуриной и Г. А. Панкрушева, хотя в отправных положениях у них много общего. Эти расхождения касаются прежде всего определения верхней хронологической границы эпохи раннего металла¹², времени бытования отдельных типов керамики (главным образом их верхних границ), возможности сосуществования трех разных типов керамики на одном поселении и т. д. К сожалению, эти вопросы все еще нельзя считать решенными. Для их выяснения требуются дальнейшие полевые работы, но с определенным уклоном в сторону преимущественного изучения памятников с чистыми комплексами керамики; это позволит скорее разобраться и в датировке и облегчит решение вопроса этнической истории. Тем более, что работами последних лет количество таких памятников умножено. Эти работы помогут также разобраться в накопленном уже материале, в котором легче можно будет выделить разновременные комплексы.

Целый ряд выводов, касающихся как материальной, так и общественной жизни, основывается или на элементарном арифметическом подсчете или вообще не аргументирован, и таким образом они могут быть приняты не более как предположения. Впрочем, это вряд ли можно ставить в вину автору исследования, имевшему в своем распоряжении преимущественно материалы раскопок. Следует только пожалеть, что в реконструкции общественных отношений и верований автор почти не использовал такой замечательный памятник духовной культуры, как наскальные изображения, а также материалы Оленеостровских могильников (Онежского озера и Баренцева моря).

Возникающие сомнения и вполне естественное желание иметь более твердые и обоснованные доказательства ничуть не умаляют значения поставленной в монографии проблемы. Больше того, быть может, исследование выходит уже за рамки первого приближения и намечает вполне конкретные и реальные пути для изучения истории племен и тем самым для более глубокого понимания первобытной истории Севера. Благоприятным обстоятельством для решения проблемы является обилие и хорошая сохранность первобытных памятников.

Достоинства книги очевидны и служат наглядным подтверждением того, что в изучении древнейшего прошлого Карелии сделан еще один существенный шаг вперед. «Побочный» результат этого исследования заключается в том, что оно показало большое разнообразие археологического материала Карелии. В нем выявляются новые, не замеченные ранее пласты, ставшие особенно ощутимыми в последние годы (керамика с растительной примесью, штрихованная и сетчатая и т. д.). Работа Г. А. Панкрушева показывает, что такие тщательные исследования отдельных, даже узколокальных районов необходимы. Именно они наполняют древнюю историю тем конкретным историческим материалом, новыми подробностями жизни и быта отдельных групп населения, без которых она осталась бы всего лишь сухой схемой, слабо освещающей жизнь народа. Выделение локальных вариантов (даже узких) заслуживает внимания со стороны исследователей, поскольку позволяет глубже изучить особенности развития отдельных районов и предпринять новые поиски исторического их объяснения.

После окончания работы Г. А. Панкрушева над рукописью прошли еще четыре полевых сезона. За это время добыт материал, более чем вдвое превышающий все, что найдено ранее и опубликовано в книге. Значительный интерес представляет открытие целой серии новых стоянок, в частности, эпохи раннего железа, почти не известных прежде; большого неолитического могильника Сандермоха и новой группы наскальных изображений Беломорья. Понятно, что все эти новые памятники позволяют более глубоко рассмотреть некоторые из затронутых в монографии вопросов, уточнить отдельные выводы. С другой стороны, эти работы подтвердили ряд положений автора, что служит одним из доказательств ценности его книги.

Ю. Савватеев

¹² Г. А. Панкрушев в своей книге доводит ее только до 500 г. до н. э.